

Сергий Чернец
Андран и Андраёнок

деревенская проза

Сергий Чернец
Андран и Андраёнок.
Деревенская проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673807
ISBN 9785449690937

Аннотация

Рассказы в книге «Андран и Андраёнок» – это классический пример деревенской прозы, столь редко встречающейся в наши дни. В нем есть завораживающий колорит деревни, ее размеренный быт, ее сказовость. Главный герой – дед Андран – пастух, рассказывающий истории из своей жизни, подобно Шахерезаде из «Тысячи и одной ночи», очаровывает слушателей. Отсюда и ощущение, что рассказ будто оборван внезапным словом «конец», безапелляционным и пронзительным.

Содержание

Андран и Андраёнок	5
Вместо вступления	5
Андран и Андраёнок	6
Бабушки и внуки в деревне	16
Часть 1 Объяснение	16
Часть 2 Местность	17
Часть 3 Люди	19
Часть 4 Много событий	21
Часть 5 Разговор о внуках	26
Часть 6 Прибыли внуки	32
Часть 7 Лес и малина	40
От автора	48
Рассказ о сельской учительнице	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андран и Андраёнок

Деревенская проза

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2019

ISBN 978-5-4496-9093-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андран и Андраёнок

Деревенская проза

Вместо вступления

Рассказ «Андран и Андраёнок» – это классический пример деревенской прозы, столь редко встречающейся в наши дни. В нем есть завораживающий колорит деревни, ее размеренный быт, ее сказовость. Главный герой – дед Андран – пастух, рассказывающий истории из своей жизни, подобно Шахерезаде из «Тысячи и одной ночи», очаровывает слушателей. Отсюда и ощущение, что рассказ будто оборван внезапным словом «конец», безапелляционным и пронзительным.

Андран и Андраёнок

Заезжему городскому человеку наши места могут показаться лесными и тёмными. Уже давно не стало былых сосновых лесов, когда высокие ровные деловые-строевые сосны росли вдоль быстрой реки. Сейчас всё поросло мелколесьем, березняком и осинником, и кустарниками. А вместе с лесами повывелся и прежний лесной зверь: даже соболь и куница водились, и хищники – рысь да волки и медведи.

Былое осталось только в памяти стариков, да ещё поныне кое-где держится в деревнях прежний быт, хоть немало вклинилось нового. Заборы из профнастила, железными листами заводской покраски..., но всё же держится старое и старинное – на праздниках и на свадьбах старые песни поют, одевает деревня старые наряды, сарафаны и яркие рубахи с подпоясками мужикам.

А раньше, повторимся, – стояли около быстрой речки леса сплошной стеной от дальних болот до самого горизонта. И не было редкостью видеть такие деревья, – что только взглянуть вверх, на вершину – так сама собой валилась с затылка шапка. И на памяти старых людей – медведи забредали под самые огороды. Не раз, пойдя в лес за малиной встречали девки и бабы в густом непролазном малиннике «михайло топтыгина» – и бежали с визгом разбросав свои лукошки.

Леса наши вырубались нещадно, а река служила артери-

ей лесоторговли. Весной, в большую воду, по ней сплавляли заготовленный за зиму лес.

Один раз в два месяца приходил к нам в дом пастух – дед Андран-вачи и его внук подпасок «Андрёнок», как его называла бабушка, мальчишка лет двенадцати. По «чередУ» выходило, что каждый дом в деревне должен был «столовать», кормить, пастухов, которые пасли стадо деревенское, в котором было разнообразие скота: тут были коровы и овцы, и козы с козлятами. Так постановили на общей деревенской сходке.

Лет семь назад, малый хутор, деревенька, в домов пятнадцать, в стороне от всех дорог, в которой жил Андран-вачи, сгорела вся полностью. Пожар случился ночью и сгорели родители Андрёнка вместе с домом, так как пожар начался с соседнего с ними дома, и сухие старинные дома вспыхивали бесшумно и сразу, как спички. Родители даже не проснулись как весь дом загорелся. Внук был в соседней деревне, с дедом пастухом, где «столовались», там и задержались ночевать на сеновале. Всё равно утром идти надо было пасти стадо с нескольких деревень.

Андран-вачи с внуком поселился в нашей деревне, – всем колхозом построили ему новый маленький дом, сразу у поворота дороги в район, с краю деревни.

Приходил Андран-вачи и утром рано (пока стадо собиралось) – чай попить и с собой продукты взять для перекуса, которые бабушка приготавливала с вечера.

Вечером, уже перед закатом, заходил он в наш дом, (да и в любой другой по «чередУ»), запросто – как в свой. Клал у порога котомку, у печки ставил палку свою и садился в своём зипуне, в костюме длинном, за стол. Усаживал рядом внука, – худого, волосатого мальчишку, с длинными, никогда, наверное, не стриженными, пропахшими дымом темными волосами.

Вечером задерживался Андран-вачи потолковать про старое-бывалое, любил он поговорить с людьми. И приходили к нам соседи, послушать рассказы деда Андрана-вачи, те, кому вчера не досказал, не окончил историю.

После еды, дед оглядывался на ожидающих его рассказов, подмигивал бровью и говорил:

– Ну, чайком побалуемся, да поболтаем потихоньку. – Тут он улыбался так, что среди усов сверкали его желтые крупные зубы.

– Ну и зубы-то у тебя – не выдержал я.

– А вот, дружок, зубы у меня крепкие, как будто молодой я, не смотри, что седой, – говорил дед смеясь. – зубы у того плохи, кто сладкое ел-пил, а мы на голых картохах жизнь прожили. —

За столом он казался небольшим, лёгким. На деле дед был крепкий и довольно высокий для меня, выше бабушки моей на голову, хотя бабушка была метр пятьдесят всего росточком.

Я подсаживался поближе и от деда пахло соломой и хлебом, – видно в полдень, где-то на стогах отдыхал, пока стадо у берега реки прилегло, на водопое. Их я не раз видел в тех местах, мы ходили рыбачить с деревенскими пацанами.

Андран-вачи пьёт чай из блюдца, куда наливает из поданной чашки, не спеша он дуёт и в прикуску чмокает кусочком сахара во рту. И сахар не рафинад из пачки, «городской», а колотый от большого куска, который долго тает. Такой сахар в деревнях, в районах ещё продается, в городе уже не всегда он есть.

Андрана-вачи не надо было просить дважды: рассказывал он обо всём с некоторой весёлостью, с одному ему понятным юмором. Даже ужасные вещи казались ему смешными.

С особенным выражением рассказывал он о «пьяном индюке», который однажды вывел индюшат.

– Милые мои, – оглянувшись на слушателей громко говорил он, – вот, ни одна баба до этого не додумается. Бабы – они же не пьют и к вину отрицательные. А вот какая в хозяйстве вышла история. – Сидела на гнезде, на яйцах, индюшка, и с ней стряслась беда, – одной недели только не досидела, а околела от куриной лихорадки. Вижу, – пропадут яйца в гнезде. Хотели бабы курицу посадить, – но ни одной

рассидевшейся на дворе не нашли. А индюк-то, говорю я бабам, у нас есть. Он что делает: по двору ходит сопли распустив. А давайте-ка ему хорошую чарку водки в рот зальём, как всем мужикам. Заснёт после чарки, а мы его, пьяненького, на гнездо и посадим. И сделали так. Утром очухается, проснётся, – мы его водичкой холодной с похмелья потчует, овсом накормим, да опять ему чарочку! – и снова на гнездо спать. И что вы думаете? – заканчивал свой рассказ Андранвачи, – ведь, вывел десять индюшат у нас. Вывел пьяненький индюк тот. Вот какое дело получилось! Только заболел он, ведь неделю его спиртом почти поили, я наливал первак-самогон, а он под 70 градусов будет! Все ходил пьяный наш индюк, даже от воды пьяным делался. Завалится в крапиву и лежит пьяный. А индюшки рядом ходят: «клюк, клюк, клюк!». А под конец он околел, дня через три. – дед Андранвачи смеялся тихим смехом, как бы шептал: «хих-хах, хих-хах».

– Расскажи дед про старину, как вы лес сплавляли.

– Ну, что тебе рассказать – и смотрит с прищуром на меня.

Глаза у деда зоркие, с голубинкой, и когда он щурится от глаз бегут по лицу лучики морщинки. На голове густо спутанные, седые с серым, волосы приглажены на вершине до половины крУгом, отмечая место, как одевался его картуз, а ниже круга волосы торчали. Как клочки сена. Большими, заколяневшими на работе руками он неловко держал блюдце и отпивал чай, перекатывая во рту ещё

не растаявший маленький кусочек сахара. Внук его, прозванный «Андраёнком» сидит тихо, слушает, и смотрит ясными широко открытыми голубыми глазами. Он тоже пьёт чай, но из горячей чашки, держа её за ручку, и потягивая кипяток сморгает, а отпив вытирает кулачком выступивший под носом пот.

– Ходили, сплавляли, – говорит дед, и перестав щуриться на полном серьёзе начинает рассказывать.

Весь их хутор – домов с пятнадцать, состоял из семей сплавщиков. Наука сплава, собирания плотов, их вязка и всё искусство плотогонов передавалось от отцов к сыновьям. Династии были поколения на три.

– Да уж, ходили сплавом каждый год, – говорил дед, наливая в блюдце вновь налитый в чашку горячий чай. Он всегда пил по несколько чашек, как принято у деревенских.

– Тогда, дружок, не такие леса стояли по нашим местам. Сейчас это всё чапыжником да березняками поросло. И лес рубили. Раньше всё купцы да управляющие-лесозаводчики командовали. Помню, был один «лесозаводчик» – Бурнов, кажется, звали. Прикатит на пристани-затоны, брюхо выставит, глотка – как труба ерихонская, кричит на всю реку, у мужиков с голов шапки слетают – бегом бегали по его приказам... Много душ на тот свет отправлялись. Падали да соскальзывали под брёвна, пока лес-то модем гнали. Плоты они спереди да сзади. И то, – придут на большую реку,

в устье, заводчики лес продадут да по кабакам сидят, а плотогоны, мы, дуем пешим ходом повдоль реки и по бездорожью. Сто пятьдесят километров и шли... —

У деда Андрана такое лицо делается, точно вспоминает он о чём-то очень приятном, памятном, а голос при рассказе громче становится, будто не за столом сидит, а кричит на реке с плотов.

— Лесу тогда гнали — беда сколько!.. Бывало и воды не видеть всё плоты и моль идёт. По весне вся наша местность, все мужики на плотах ходили. Оставались в деревнях бабы да ребятёнки несмышлёныши. Сколько вдовами оставались... Я сам двадцать вёсен подряд отходил. Три раза под плотами воду глотал да чуть без головы не остался. —

— Как же так — под плотами? —

— А так вот, — говорит Андран-вачи, — второпях, знаешь как, да когда дело не ладится; дыбом брёвна встают, как из затона на быстрину выгоняешь «молю». Стал я с «плёнки» на «плёнку прыгать, а брёвна в воде — они склизкие, поскользнёшься и головой промеж плотов. Зажал в грудях воздуху, держусь, а надо мной плоты идут и «моль», — куда ни ткнусь — головой в брёвна. Сколько я там под плотами пробыл, чего натерпелся, с белым светом попрощался, — рассказать невозможно. На счастье случился просвет: вынырнул, как чёрт из воды, и сноровкой, быстро-быстро, да прижался к брёвнам плота. Четыре «плёнки» тогда надо мной прошли. Вот оно как... —

И дед опять смеётся своим тихим смехом, как бы про себя, но все улыбаются вымученными улыбками, глядя на весёлого деда. Окружающим слушателям не очень-то смешно.

– Так-то был у нас на плотях мужичонко один. Ростом метр с колпаком, а сила в нём была медвежачья. Перевязывает себя по груди вожжами кожаными, поднатужится – тресь (!), и рвутся вожжи. Показывали его купцы, как потеху. И то, – затиснуло его раз, мужичка этого, промеж брёвен на моих глазах. Добежать к нему не успел никто – кишки ротом вышли. А Бурнов на берегу над ним, когда потом достали да вынесли его ещё живого на берег, – как коршун над цыплёнком, – руки в стороны распустил и машет словно крыльями: «спасите работника, спасите работника». А как спасёшь, – умер в одночасье. Тот Бурнов сам же и гнал мужичка в затоп на «моли» убрать. По крайним плотам скакал мужик. —

И снова дед смеется коротко, шёпотом своим.

– А вот, я скажу об этом самом Бурнове. Бо-о-ольшая сила была его командования – боялись все его. Бывало, придет на реку – и давай кричать! А сам-то такой же сиволопый, из мужиков вылез, всё разбогатеть хотел, всё мало ему. Я тебе скажу – такие-то, что из нашего брата вышли, «из грязи в князи», они куда злее, чем чистые баре да купцы. Всеми купеческими делами и деньгами он крутит – никого не жалеет, чисто цепной пёс. Сами купцы его не уважали, – улыбались при встрече, а за глаза – ругали. Но мужикам нужда – всё равно к нему работать и шли, он платил. Не жалел, хо-

рошо платил за хорошую работу, — а в ледяной воде плоты вязали, ещё и шуга шла, а уже Бурнов начинать велел, кричал командовал и всё матюгами крыл; матершинник был такой — плюнешь и прочь идти охота. Раз так-то и наскочил он, нашел себе конец. Прикончили его кривовские мужики, за грубые слова-оскорбления, добился своего... —

И дед улыбнулся, хихикнул и закончил рассказ. Он, не спеша уже, допил свой чай, положил на блюде пустую чашку.

— Дело давешнее, теперь чего хорониться. До того он наших мужиков допёк — терпения никакого не стало. Перехватили его кривовские на дороге, вожжами руки-ноги скрутили. «попил, говорят, ты нашей кровушки, а теперь будет тебе, шабаш» крови из него вышло, как из откормленного бора. Стащили его мужики в лес, в овражье место и там завалили сучьями. Долго полиция искала — да так и не нашла ничего. А Бурновы косточки и до сих пор там в овраге гниют... —

Так рассказывал дед Андран, будто бы сам принимал участие в том... и уже не смеялся.

Окончив рассказы, Андран-вачи встаёт, смотрит на внука, спокойно сидящего на скамье, хрипло покашливает и говорит:

— Пойдем-ка мы до дому. —

Вот и для меня уже дело это давнее, почти быльём по-

росло. Стало моим воспоминание. Молодым теперь многое непонятно...

Конец.

Бабушки и внуки в деревне

Документальный рассказ

(рабочее название)

Часть 1 Объяснение

В немецком языке есть буквы с двумя точками над ними. Точки называются – умляут. Есть «а» умляут и есть «у» с двумя точками, умляут. Звук «у» умляут изображает промежуточный звук между «у» и «ю», почти «ю», но не «ю».

Такие же буквы есть в языке одного из малых народов, живущего в лесах Предуралья, в лесах таёжных. И названия деревень и названия рек на их языке трудно произносимы, потому что согласные звуки тоже отличаются своеобразием, как в немецком языке. Например, «н» и «г» совмещаются и произносятся вместе, получается новый носовой звук, такой, что русскому человеку и/или человеку другой национальности трудно произнести «нг», звук такой.

Например, слово означающее «любимый друг», (понятнее по английскому понятию – «бой френд»), звучит «танг» на языке того народа, – и последние две буквы произносятся одним звуком. Танг – мой друг, тангем – мои друзья.

Выучить местный язык можно легко, но вот определённые

звуки, совмещенные буквы и буквы с точками произносить, научиться очень трудно, почти невозможно, поэтому чужого человека, человека другой нации узнавали все местные сразу.

Часть 2 Местность

Среди лесов, от подножия уральских гор растущих, через весь край земли протекает река «Элнэт» с быстрым течением, потому что течет река под большим уклоном к равнине Волги-матушки и впадает в нее. И по этой реке раньше сплавляли деловой лес плотами, хорошие кедры и строевые сосны.

Рядом с рекой была в лесах деревня – «Элнэттюр», вот тут это самое у с двумя точками. Элнэт – название реки, а «тюр» – это краешек, край, как край стола, край доски. Смысловой перевод слова «Элнэтюр» будет такое: на краю речки Элнэт. А в дальнейшем всё окружающее носило отпечаток этой деревни: например, лес окружающий назывался элнэтюр чодра, где «чодра» – лес.

Ниже по течению реки, на крутом берегу реки, на горе стояла деревня Ерюмбал – Ерумбал, (потому что «у» с точками значит «ю»), которую люди неместные называли и Ерымбал из-за произношения. «Юмбал», вместо ю, звук «у» с точками, – означает «сверху». А «Ер» – значит река и вообще водное пространство, потому что и озёра называли «ер». Как

раз напротив деревни Ерымбал было озеро Кугуер, где «кугу» означает – большое. Большое озеро в итоге.

А рядом с озером другая была деревня небольшая – Пюнчетюр, произносилось как «пюнчдедюр», буквы «ч» и «д» произносились вместе, особым звуком. В озеро Кугуер впадала речка маленькая, от нее деревня начиналась, поднимаясь на косогор. И эта же речка малютка вытекала из озера, петляя и неся свои воды через леса в реку Элнэт.

Деревня Пюнчедур (так произносимая) в переводе значила: пюнче – сосна, кедр, а «тюр» – как краешек полотна, как край подола платья, как край скатерти на столе. И получалось – край соснового лесного полотна, подразумевая, что сосновый лес за деревней огромный, как скатерть расстеленный по всей земле, и можно было пойти по нему до уральских гор и до самой Сибирской тайги, тут тайга и начиналась.

Чуть повыше по течению маленькой речки, метров 800, начиналась и другая деревня, под углом тянущаяся от реки на тот же косогор – Юрдур (юртюр). Юр – в переводе дождь, а тюр, как известно – край, и выходило край дождя. Видимо дожди всегда приходили с этой стороны.

Обе деревни Юрдур и Пюнчедур в середине соединялись длинной улицей, образующей треугольник – Изи урем (изи – маленькая, урем – улица). В треугольнике были огороды стыкуясь заборами – от Юрдурских домов и от Пюнчедурских.

Изи урем, как гипотенуза треугольника, была больше и длиннее чем деревня Пюнчедур, в два раза, а длиннее Юр-

дура ненамного на домов 5 – 6.

Теперь нужно описать расстояния и расположение всего этого, что мы только что узнали. Итак: течет река Элнет через дремучие леса. Среди лесов и заливных лугов – большая деревня Элнэтюр. А от нее в 10-ти километрах ниже по течению, на крутом берегу, на горе стоит деревня Ерымбал. От нее в 3-х километрах в стороне, на равнине, то есть надо спуститься с горы, находится большое озеро Кугуер. На другом берегу озера, у впадения маленькой речки в озеро, начинаются две деревни Пюнчедур и Юрдур, соединенные улицей Изиурем (ом).

От Пюнчедура до Ерымбала – 3 километра, учитывая подъем в гору, а минуя гору до Элнэтюра 12 километров.

И вокруг леса, леса и сосны, и везде леспромхозы и лесопитомники, Лес вырубает, и лес вновь сажают, везде в лесу делянки и посадки, где сосны растут рядами.

Часть 3 Люди

В деревне Пюнчедур, недалеко от начала её, через песчаное поле от реки, домов пять от края, в домах напротив, через дорогу, по которой по деревне ездили машины, пробившие колею в песке, – жили две пожилые местные женщины.

Одну, что в доме с правой стороны улицы, звали Андранватэ (ватэ – пожилая женщина). Другую, в доме с левой стороны – звали Миклай-кува (кува – переводится, как очень

пожилая женщина, «старуха»).

И к ним приезжали внуки – уныка-шамыч (уныка – внук, шамыч – множество, буквально). Они обращались к взрослым женщинам по местному выражению: по имени с приставкой «ака». Ту, что называли Миклай-кува (то есть женщина Миклая) на самом деле звали Анай-ака. А у той, которую называли Андрон-вате (женщина, жена Андрона), было имя Салика-ака. «Акай» – так обращались к девушкам молодым, это обращение сокращались, убиралось и-краткое на конце и звучало благородное ака: например Вероника-ака или Светлана-ака, – получалось выражение, переводимое как Вероника-тетя, то есть тетя Вероника или тетя Светлана.

Внука у Миклай-кувы звали Изэрге – буквально маленький сын, «изи» – маленький, эрге – сын. А внука у Андрон-ватэ звали проще – Роман.

А кроме этих, в деревне жили другие люди, колхозники и обращались они уважительно к двум пожилым женщинам-пенсионеркам: Анай-ака и Салика-ака, потому что только между собой можно было говорить немного пренебрежительно – женщина Андрона, или Андрона жена – Андрон-ватэ, и старуха Миклая – Маклай-кува, тоже сказать было нехорошо.

Часть 4 Много событий

К приезду внуков обе пенсионерки готовились заранее. И по утрам выходили они поговорить.

Ранним утром, когда солнце еще только высывало свой сверкающий край из-за леса, деревенский люд выгонял коров на улицу. Пастух щелкал кнутом вначале деревни, и проходил по улице, прогоняя и собирая выгнанных коров в единое стадо на другом конце деревни, и затем гнал их на выпас, через лесные поляны, к дальним заливным лугам у выхода маленькой речки из озера Кугуер. Надо сказать, что в деревенское стадо, кроме коров выпускали и овец и коз, и за этим мелким скотом одному пастуху было не уследить. Поэтому подпасками ходили деревенские мальчишки и двое и, в некоторые года трое. Их родители посылали: и заработок небольшой и при деле, вроде как, а не бегает бездельником 14—15 летним.

Над воротами и калиткой, на высоких квадратных столбах, оббитых досками, длинная крыша. Она была так высоко, что в ворота под ней мог проехать воз сена на телеге. Ворота были не новые, доски серые, и незаметны узоры, вырезанные на них сверху: большой круг, шар, посередине, разделяющийся пополам на обе створки ворот и еще маленькие шарики на обеих половинках ворот только и были видны. Присмотревшись можно было узнать большую виноградную

ветвь, с кистями ягод, изображенную по верху ворот, вырезанную из досок. Это Андрон построил, в свое время, такие ворота с узорами. Он был известный плотник по деревне и украшал ворота и дома местных жителей. Вокруг окон добротного, из толстых бревен, дома Андрона резные наличники покрашенные синей краской радовали рисунком: и квадратики и ромбики в форме листьев на них вырезаны были рукой мастера. Окна многих домов в деревне были в его наличниках, которые делались по заказу жителей.

Андрон-ватэ открывала высокую калитку с резным верхом и выгоняла корову. Сама она становилась тут же на улице, опершись спиной о столб. А вслед за ней выходила собака и садилась у её ног, и выходила кошка и садилась рядом с собакой на задние лапы.

Пастух, прощелкав своим кнутом внизу деревни, громким звуком «выстрелов» сообщая о своем приходе, поднимался медленным шагом вслед за коровами, овцами и козами, которые выходили из ворот и калиток домов. И он каждый раз видел эту идиллическую картину: слева стояла у ворот «семья» Андрон-ватэ, а справа Миклай-кува со своей такой же семьей, провожавшие свою скотину.

Это надо было видеть: стоят две старушки, каждая у своих ворот, рядом у ног сидит собака, из стороны в сторону крутящая головой, а рядом с собакой кошка, также наблюдающая за идущей по дороге скотиной.

Миклай-кува провожала свою козу, коровы у нее не было. Анай-ака, прозванную как Миклай-кува, с которой первой поздоровался проходящий мимо пастух, он шел по ее стороне деревенской улицы, – на самом деле звали Анна Ивановна Смирнова. Пастух с большим уважением, с поклоном головы даже, приветствовал Анну Ивановну: «Поро эр лийже Анай-ака!» («пусть будет утро добрым» означало это на местном языке: поро – доброе, эр – утро, лийже – пусть будет).

Была когда-то Анна Ивановна молодой, здоровой, красавицей, не как сейчас, старенькой сухопарой и сутулой, с длинными руками и седыми волосами, проглядывающими из под платка, сбитого на бок при хозяйственных работах. Она была учительницей начальных классов в трехлетней деревенской школе в соседнем селе Ерымбал, что в трех километрах на горе. А потом трехлетку закрыли, и она пошла работать в колхозную полеводческую бригаду. Но и там она стала бригадиром и получала награды за выращенные сверх урожая свеклы и капусты, и её портрет красовался на доске почета перед правлением колхоза.

Пастух пожилой мужик, родившийся сразу после войны, застал Анну Ивановну учительницей, тогда все деревенские дети учились у нее, и знал её бригадиром-полеводом, когда работал под её командованием – возил на поля удобрения. Как и вся деревня, он уважал Анну Ивановну.

И, наоборот, с легкостью и улыбкой махнул он рукой в сторону Андрон-ватэ: «Салам, поро эр Андрон-ватэ!» –

сказал пастух и прикрикнул на коров своим обычным: «Эй-эх! Пошел!». Сразу же, словно заразился веселием, он щелкнул кнутом, проделав эквилибристические движения: два шага вперед, с заносом рукой кнута впереди себя на дорогу, и, отступив на шаг назад, – резкое движение, дергание рукой в сторону, за спину. От чего длинная «веревка», прокинутая впереди дергалась в сторону, издав громкий звук «щелчка», в утреннем воздухе звучащего как выстрел.

Салика Эриковна Почмына – была типичной представительницей местной национальности женщиной, всю жизнь проработавшей в колхозе: и на фермах, в телятнике, и в полях, на прополке и уборке урожая. В молодости пухленькая круглолицая она была веселой заводилой и пела и плясала на всех национальных праздниках и, особенно на местных свадьбах, на которые ездила по всем близким деревням. И сегодня её считали «знатоком» знающим все обряды старины. У неё хранились свадебные одежды, и в клетях был сундук с манишками из серебряных монет, поясов с теми же монетами. Хранились цветастые платки и с вышивками сарафаны в шкафах стоящих в той же клетке. Она, в свое время, была активисткой художественной самодеятельности при деревенском клубе и часть костюмов и украшений передала ей на хранение. Любое мероприятие, например, «праздник цветов», начала лета и цветения проводили каждый год в первое воскресенье июня, а также свадьбы и другие мероприятия – все не обходились без участия Салика-ака. Она всё органи-

зовывала и сейчас, выглядя в свои пенсионные годы намного моложе своих лет. Она же, Салика-ака, одевала наряды де-вушкам и молодым женщинам к свадьбе: на грудь – маниш-ку из монет, которые звенели во время танцев, и на голову особые кокошники, также украшенные монетами.

Она же была заводилой и запевалой на свадьбах, учила пляскам и танцам молодых, всегда сама удивительно живая и веселая. Её муж – Андрон, мастеровой колхозный плотник и кустарь-резчик, тоже всегда веселил народ. Но он на всех праздниках и свадьбах непременно напивался. Его часто на-ходили «в канавах» и приносили домой, и помер он рано, сгорел от вина, от местного самогона: первач бывало, гнали под 70 градусов, – вот и не выдержал организм от постоян-ных пьянок. Так Салика Почмына овдовела, когда только вы-шла на пенсию. Две дочери её, к тому времени, уехали в го-род, там вышли замуж и обзавелись внуками, которые при-езжали на лето в деревню.

У Анны Ивановны тоже была дочь, которая жила в горо-де. Дочка пошла по её пути и, окончив пединститут, рабо-тала в школе, завучем. Она привозила внука Изэрге (бабуш-ка настояла, чтоб так назвали внука) к бабушке на всё ле-то. Муж Анны Ивановны был старше её намного, на 15 лет, и умер он своей смертью от старости. Он работал тракто-ристом в колхозной МТС (машинно-тракторной станции). И хоронить деда приезжал семилетний внук, только пошед-ший в первый класс, зимой, в самом конце декабря. Тогда

они встретили вместе Новый год: зять с дочкой и внук. Изэрге так просился, что родители оставили его на все зимние каникулы у бабушки.

Маленьким, он был в деревне только летом, а зима – среди леса и у речки, игры с местными ребятами, ему очень понравилась. Он ходил с ними кататься на деревянных самодельных дедовских санках. С крутого склона прямо на лед реки, по которому шустро и далеко катились разогнавшиеся санки. Со многими ребятами он подружился надолго. Изэрге полюбил деревню и деревенскую жизнь. Он уже не хотел ехать в пионерский лагерь, куда его один раз отправляли по путевке от профсоюза отец с матерью. И все другие годы он непременно ехал к бабушке в деревню на все летние месяцы каникул.

Обе пожилые женщины ждали внуков и, конечно, их разговор об этом и шел.

Часть 5 Разговор о внуках

Анна Ивановна и Салика Почмына подружились через внуков своих, которые по-детски были дружны.

И Рома и Изэрге были – «городские» и выделялись среди местных деревенских. Не только одеждой, а одеждой в первую очередь, например, в деревне никто из мальчишек не носил шорты, а у обоих «городских» на лето были шортики и не одни. Выделялись они и привычками и знания-

ми, например, телевизоров в деревне было немного, были, но не у всех, и мультики смотрели не все ребята деревенские, смотрели, но не все. А уж тем более, они не запоминали, не знали многие фразы и выражения героев мультфильмов. Это особенно было заметно, когда Рома и Изэрге переглядывались между собой, заговорщически, когда Изэрге, а он больше всего любил острить, произносил какую-нибудь мультфильмовскую фразу, сказанную героем мультфильма. Изэрге мог напевать песенку мышонка: «Какой чудесный день, какой чудесный пень, какой чудесный я и песенка моя!». Рома легко его понимал, и они прыгали вокруг большого пенька на ярком солнце летнего дня. А в грустный пасмурный день, когда они сидели у окна и смотрели на лужи и на ручей, текущий по улице от проливного летнего дождя, Изэрге говорил и рассказывал наизусть из мультфильма про Винни Пуха про Ослика Иа:

«Старый ослик Иа стоял на берегу ручья и размышлял о странностях жизни: «Странное зрелище, душераздирающее зрелище, кошмар!» – и он говорил это, выделяя букву «р», подделывая голос. – «Ослик переходил на другую сторону ручья и вновь смотрел в воду: «С этой стороны, ничуть не лучше, чем с той! А все почему? И-и по какому случаю? И какой из этого следует вывод?»».

Изэрге очень нравились эти слова и само рассуждение Ослика из мультфильма со скрытым юмором. У Изэрге была отличная память, и он очень любил читать книжки. Про

Винни Пуха он именно прочитал. И в этом была заслуга его бабушки, бывшей учительницы начальных классов. Это она читала с ним книжки с самого раннего возраста, сначала читала бабушка вслух, пока он сам не научился читать в 4 годика. У них в доме стоял книжный шкаф, и было много книжек. Многие мультики показывали истории не так, как написано было в книжках. Про Винни Пуха, например, показывали Ослика стоящего у озерка, а в книжке написано было про ручей....

После обычных приветствий и расспросов о делах и о хозяйстве, обе пожилые подруги вошли в дом Анны Ивановны пить утренний чай и отведать блинов, которые уже успела испечь шустрая хозяйка. Салика Почмына часто гостила в доме Анны Ивановны, и пока они говорили о хозяйстве: «кур накормила, и даже кошке молока налила, как корову с утра подоила», – Салика-ака распорядилась с чайником и чашками на столе: налила чай в бокалы. Пока, в это время, Анна Ивановна около печи возилась с блинами: перекладывала часть их из большой стопки на блюде, на другую большую тарелку, чтобы поставить на стол. Блины она в печи оставляла, чтобы не остыли. И сели они за стол и говорили о внуках, вспоминая, что с ними приключалось, какие огромные переживания они доставили бабушкам.

Наш человек начинает разговор о том, что к нему близко в данный момент. И общий разговор у нас не идет «по на-

катанной дорожке», а перескакивает «с пятого на десятое», не как школьное сочинение по плану. Всплывает в разговоре слово, фраза-выражение, и вместе с ним всплывает воспоминание. Так и разговаривали бабушки: то об одном, то о другом, – слово за слово цеплялось, – спонтанно.

– Нынче огурцов посадила больше, уж очень внук их любит – сказала Анна Ивановна.

– Да. И у меня есть две грядки длинные – отвечала Салика-ака, – Но рассада у меня заболела, – не вся прижилась, погибли некоторые при пересадке. —

– Не в тот день ты, наверное, садила. На растущую луну надо было садить, – отвечала Анна Ивановна и спросила, «важное» вспомнив, – а как болезнь-то у твоего Ромы-то? Эта «рожа» ведь может и повторяться, не сразу вытравишь её. И медицина лечит плохо: одни антибиотики только. —

– Ох, Анай-ака! Нечего на медицину надеяться. Мы же, – ты помнишь, как позвали Эрченей-кува-то к нам? Тогда в бане парили травами какими-то. Дурман травой что ли примочки делали. И отвары из трав я делала, знахарка мне давала, – и Салика качала головой в чувствах, переживая за внука своего.

– Да уж. Эти национальные обряды ваши, что-то шептали – заговоры делали там, опасаясь я, – аж плечами передернула Анна Ивановна, будто из-за внутренней брезгливости.

– Ничё-ничё! Они, обряды-то старинные. Я их сама знаю много. Но только не по лечению, а всё только про женитьбу,

да, как мужика найти, гадалки разные. От матери знаю все. А эта Эрченей-кува (эр – утро, чен – истина, точно), муж у неё колдун Эрчен был, – Салика даже наклонилась и перешла на полусшепот, понизив голос. – Она лечит всех давно, никто не знает, сколько ей лет, может, говорят, и лет 200 уже живет эта Эрчен-кува! —

– Да, ну! Скажут тоже... – отвечала Анна Ивановна.

– Да. Она и травы собирает по лесу, да по оврагам. Там, за лесом у нас, в Тымаш-нуре (по-смыслу – дальнее поле, нур – поле) источник есть, Васлий-памаш. И вода там лечебная, говорят. А к этой Эрченей-кувай все люди ходят, со всех деревень, со всякими болезнями. Одну девочку, вон, с Ерымбала носили. Девочки почему-то чаще болеют такой «рожей» -краснухой. Её полгода врачи в больнице лечили и уколы и всё ставили. А эта «краснуха» или «рожа» – по рукам да по ногам пошла, и в подмышки залезла. Девочка у них всё плакала да плакала, руки опустить не могла: подмышками всё покраснело да опухло, было! Мать-то и забрала её домой, чуть только полегчало в больнице. Так и принесли с поднятыми руками. Эрченей-кува компрессы делала из прополиса и травы, с порошком, как мел такой. Это она из камней делает, около Васлий-памаша собирает мел тот. Вылечила ведь! И дней 10 не прошло! А уж язвы были, как чирьи! – рассказывала Салика.

– Да. Вот и у моего Изэрге чирьи были прошлый год. Купались они в августе, после Ильина-то дня, вот и выскочили

на заднице ему! Как бы стал он в школе-то сидеть, за партой-то?! И я их протыкала все, чтобы гной выпустить. Быстро они созрели. А он скрывал еще, не говорил, молчал, пока уж сидеть не вмоготу стало. Я вот мазями, да йодом вокруг, мазала. И зажило, как на собаке! – вспомнила про своего внука Анна Ивановна.

– Да! Собака-то наша, Мухтар наш черный, тоже ждет видать! – за слово зацепилась Салика, – Он все лает на велосипед почтальона Андрашки нашего. Письмо привозил он, Андран-вачи наш (Андрей был почтальон деревенский, а «вачи» – так звали юношей, по смыслу переводится как брат: Андран-вачи получается – братец Андран, измененное от русского имени Андрей).

– Ага. Вот и мне Изэрге написал, что велосипед привезет на лето, по деревне кататься. Маленький ему купили – «школьник» такой, – сказала Анна Ивановна, услышав слово и вспомнив про письмо внука.

– Ой! Сам тебе пишет ещё? А мой-то не такой грамотный. Читать не любит. Ему на лето привозят даже учебники, чтобы готовился к школе, а он всё бегаёт. Не как у тебя: и читает и пишет письма! Такой умный растёт! – похвалила Салика внука Анны Ивановны.

– Ладно уж, хвалить-то. Вон уже и солнце выше поднялось. Пойдем, что ли поливать грядки. Сорняков нынче мало. Сухо весь май было, вот и не взошли, – вставала из-за стола Анна Ивановна, оставив выпитую чашку, – Брось. По-

том уберу! – сказала она Салике-акай, которая взялась отнести свою чашку с ложкой на кухню к умывальнику.

– Ничего-ничего! – Салика —ака все-таки отнесла чашку и поставила на столик на кухне, – У меня там низинка есть, там и сорняков хватает, несмотря на жару.

Так и поговорили ранним утречком две пожилые бабушки. Во дворе их ждали две собаки: рыжая с подпалинами, пушистая Кнопка Анны Ивановны и черная гладкошерстная Мухтар. Собаки сидели рядом высунув языки, каждая смотрела на свою хозяйку: они были дружны со щенков.

Часть 6 Прибыли внуки

Прошло уже много времени с рассвета, роса с листьев деревьев и кустов смородины в палисаднике высохла, испарилась, свежий воздух утра высох и застыл, природа приняла свой неестественный, для этого времени года, унылый вид жаркого лета. Говорят, лето жаркое, если зима холодная и наоборот.

Природа периодически, примерно лет в сто или пятьдесят, меняется и делает нам сюрпризы. Зима была невероятно морозная, температура падала до минус 50 градусов, а уж под 35 и под 40 минус было чуть не все зимние месяцы. Это также было морозно, как при нападении французов, Наполеона на Москву. Когда войска французские, остались без должного снабжения продовольствием: так как дорог в Рос-

сии «отродясь не было» и все Белорусские леса были в болотах. А тут и природа зимой так подморозила, что оголодавшие французы вымерзли суровой русской зимой. Как будто специально было и 40 градусов и более. Но можно оставить историю в покое, что было – то прошло, а то можно найти много совпадений и построить параллели и разные теории открыть: циклы и прочее.

А вот лето – против зимы, выдалось в тот год необычайно жарким и засушливым, что привело к пожарам, горели леса и торфяники.

И вначале июня дождей было мало. Когда Анна Ивановна направилась к колодцу, солнце уже поднялось над лесом за огородами и ярко осветило весь двор. Оставались в тени только грядки клубники в дворовом палисаднике, заслоненные высоким хлевом. Построен хлев перпендикулярно дому и почти примыкал к сараю, который, в свою очередь, был продолжением дома, торцом к улице поставленного, так, что крыльцо посередине его выходило во двор. Напротив крыльца через двор, сужая его, красивый невысокий плетень отделял палисадник, в котором росли яблоньки, вишни, и несколько больших кустов калины: «их дед из леса принес давным-давно», как бабушка рассказывала внуку.

Между хлевом, отделяющим огород, и между сараем была калитка, ведущая в огород. А в огороде, сразу от стены хлева шли грядки стройными рядами, за которыми уже кар-

тофельное поле начиналось.

Вот сюда-то и направилась Анна Ивановна с коромыслом на плечах с двумя ведрами воды. Она боком вошла в калитку, распахнув её настежь, так что та ударилась о лавку, с которой упали пустые лейки. У стены хлева сделан был навес от дождя и лавка длинная под ним, на которой стояли пластиковые ведра с ковшом и лейки, приготовленные для полива. В другом конце длинной стены хлева – виднелась большая куча навоза, под окном, закрытым дощатой крышкой, в которое его и выкидывали. А за кучей бочка, прямо под дождевым сливом. Вода в бочке была, но Анна Ивановна накидала туда навоза, изготавливая «коровяк». – Это средство служило удобрением, и только раз в неделю, по ковшику черпая из ведра, она поливала под огурцы, под каждый корень. А капусту и другие посадки: свеклу и морковь, поливать надо было только раз в месяц.

У Анны Ивановны было много книжек о садоводстве и огородничестве. Даже выписывала журнал «Огородник». Так что всё у неё в огороде делалось строго по науке и приметам, вычитанным из книг.

Огороды, вспаханные и засаженные картошкой, тянулись от домов к самому лесу и представляли единое поле, – не было никаких изгородей и заборов. Разделялись соседние друг от друга межой, – поросшей травой, непаханой тропинкой. По этим межам и ходили в лес и на дорогу, идущую вдоль

лесной опушки.

Напротив огорода Анны Ивановны был поворот дороги, ответвление, уходящее в лес. Эта дорога лесная вела в район, и по ней раньше ездили молоковозы с фермы, пока не построили окружную дорогу через колхозные поля, которая хотя и была лучше и ровнее, но была длиннее намного. Старая лесная дорога петляла между лесными оврагами, была короче, но со спусками и подъемами. Молоко перестали возить по лесной дороге из-за того, что оно взбивалось, пока его доставляли на Молокозавод, и окружная дорога по полям, в обход леса и оврагов затем и стала основной.

И по той, старой лесной дороге, которая начиналась, через опушку перед лесом, от огорода Анны Ивановны, – приехала грузовая машина, которая везла какие-то материалы для «кузни», ремонтной мастерской, что стояла около реки. Из кузова, остановившейся на опушке леса, машины спрыгнул отец, а Изэрге подавал ему вещи, сумки и рюкзак и главное велосипед «Школьник». Мама вышла из кабины грузовика. Поблагодарив шофера, они пошли к огородам через полянку, перелезли через изгородь из длинных поперечных палок. Изэрге вёз свой велик по меже, с трудом протаскивая через траву: сам шел протоптанной узкой тропинкой, а велик сбоку колесами давил высокую траву, чертополох и крапиву.

«Межу надо бы прокосить» – заметил отец, уже предвидя работу себе на выходные. Вначале огорода специально был посеян клевер, и он вырос уже высокий, готовый к перво-

му покосу, – это трава для козы. А мама уже думала сходиться в лес, – «прогуляться», уже могла быть ягода земляника на светлых лесных полянках. Июнь уже заканчивался.

Первый месяц школьных каникул Изэрге пришлось-таки провести в пионерском лагере «Строитель», – путевку дали отцу на работе. И поехал он туда с большим неудовольствием. С 3-го до 28-го он был в пионерском лагере на озере Кичиер, и это особая история, достойная отдельного рассказа: как Изэрге не ужился с коллективом ребят сверстников своего отряда, и как он «убегал» из лагеря и бродил по лесу несколько дней. Его искали и нашли, когда он вышел из леса к неблизкой реке и по ней вышел к мосту, на дорогу в 10-ти километрах от пионерлагеря.

Это лето радовало Изэрге теплыми и даже жаркими днями. А велосипед, с таким упорством привезённый им, (как он мечтал в городе, что будет кататься по деревне на велике) почти совсем ему не пригодился. Когда родители его уехали, за воспитание Изэрге взялась бабушка. Она запретила ездить далеко от дома: «Если в лес поедешь, оставишь велосипед, потеряешь его. На речку поедешь, там мальчишки старшие сломают или утащат и украдут твой велосипед!» – говорила бабушка. Рома и Изэрге катались на велосипеде по очереди на улице, недалеко проезжая от домов и вверх и вниз

по деревенской дороге. Изэрге слушался бабушку. Еще он слушался бабушкиных наставлений в том, чтобы на велосипеде внук ездил только по протоптанной дороге, потому что в песке может оказаться острый предмет (стекло или гвоздь) и тогда проткнуться покрышки на колесах, колесо выпустит воздух и ездить на велосипеде уже нельзя будет. Бабушка сама накачивала насосом колеса велосипеда, Изэрге не смог, у него плохо получалось.

Так оно и вышло, колеса проткнулись, когда они ходили в магазин, в свой деревенский.

В первых числах месяца (с 3-го по 5-е) Андран-вачи, почтальон, привозил бабушкам пенсию. Вот он ездил на велосипеде далеко, правление колхоза и почта были в Ерымбале, на горе. Почтальон крепил большую сумку с газетами и журналами и ехал по деревням, в Юрдур и Пюнчедур, это был его участок.

Когда бабушка получила пенсию, она стала собираться в магазин, сказав, что купит конфеты для Изэрге. Но и он напросился, и захотел поехать на велосипеде. Бабушка тогда еще раз сделала внушение: «Где он оставит свой велосипед? Около магазина? А там проходящие мальчишки его утащат, украдут!». – Изэрге придумал что ответить: «Я тогда не пойду внутрь магазина с тобой, а буду вокруг кататься и тебя подожду».

Две деревни под углом сходились к речке, к мосту по дороге на Ерымбал. У реки была «Кузня» -мастерская, неболь-

шая конюшня, со стороны Пюнчедура. А со стороны Юрдура было футбольное поле с воротами и небольшой деревенский магазин, который работал не всегда: продавщица жила в Юрдуре, и днем могла уйти надолго домой к себе, заниматься хозяйством. Но в день пенсии, о котором знала, магазин работал весь день. В магазине было всё вместе: тут же были и крупы и зубная паста и мыло, тут же продавался хлеб, сушки и батоны – и гвозди и молотки, и пила с ножовками. А чего в магазине не было, – то можно было заказать: продавщица записывала, и из района привозили. Два-три раза в неделю привозили продукты и промтовары на машине-фургоне. Привозили в основном хлеб, и то, что заканчивалось, и что заказывала продавщица.

Вдвоем они пошли в магазин. Изэрге ехал на велосипеде: обгонял бабушку и уезжал далеко вперед, а потом возвращался к ней, объезжал её вокруг и вновь уезжал вперед. Так и катался всю дорогу кругами.

В конце деревни был небольшой пруд, – это яма, довольно широкая, всегда была заполнена водой и осока росла по берегам. А в тот год пруд обмелел, и осока пожухла и пожелтела. А илистое дно пруда, открывшееся на мелководных участках, высохло и потрескалось твердой коркой, как в пустынных солончаках.

Стояла страшная жара, а в воздухе висела какая-то марь, колеблющаяся дымка. Это от реки испарения воды ставили такую маревую завесу. Страдала вся природа: неслышно бы-

ло кузнечиков в траве, и мухи и комары не летали, как обычно у реки, даже птиц было не слышно. Далекие звуки отдавались гулом, где-то проезжающая машина звучала на далекое расстояние.

Изэрге катался сначала по дороге к мосту и обратно, к магазину. К мосту, на небольшом уклоне, велосипед набирал большую скорость, и это было интересно. А обратно, в горочку да по песку было трудно подниматься. И тогда он, в другой раз, решил прокатиться вокруг магазина. Он поехал по траве сзади магазина, и тут случилось то, что «предсказывала» бабушка. Кто-то из «алкашей» колхозных выпивал тут же за магазином и разбил бутылку. Изэрге не заметил осколки стекла сразу, увидел их только потом, когда проехал по ним и колесо велосипеда проткнулось об острые края стекла, лежащего в траве. Он проехал круг, до крыльца магазина и, уронив велосипед, вращал колесо, в этот момент бабушка выходила из магазина с сумкой с покупками, и тут Изэрге заплакал, глядя на бабушку и показывая рукой на проткнутое колесо. Это было горе, «великое» горе для маленького мальчика, – так, что бабушке пришлось его успокаивать. А купила бабушка самые дешевые конфеты, по 80 копеек за килограмм, – подушечки «Дунькина радость». Карамельки такие, обсыпанные кристалликами сахара, с начинкой повидлом внутри. Они были цветные: зеленые, желтые и оранжевые, еще и белые с полосочкой цветной посередине. Даже эти подушечки, две штуки за обе щеки, не могли успо-

коить горе Изэрге: он вел, тащил, свой велик и слезы катились у него из глаз, всю дорогу до дома он хныкал.

– Ничего-ничего, – говорила бабушка. – Будете с Ромой Почмыном на речку купаться ходить. Я договорилась с Женькой Яковлевым, – он постарше, они возьмут вас с собой в другой раз.

Пришел и Рома со своей бабушкой, и тоже горестно воспринял это известие: заднее колесо велика проткнулось. Салика-ака, между тем, разговаривала с Анай-ака о какой-то поездке. Можно было заплатить шоферу 5 рублей, и он их повезет туда и обратно. А собрались они ехать в Элнетюр-чодра, в лес, где на многих делянках растет много дикой малины. Поездка намечалась на выходной, который был уже завтра.

Часть 7 Лес и малина

Территория лесопитомника, примыкающая к реке Элнэт, была большая. А леса, начинающиеся тут, шли до самых Уральских гор. Это был еще смешанный лес, но тут были огромной площади сосновые леса, здесь начиналась знаменитая Тайга. И всегда на лесных вырубках высаживали ряды маленьких новых сосен.

Вырубки, открытые площади очищались, и пеньки с остатками земли и веток, бульдозерами сталкивались на один какой-нибудь край. Так образовывались валы, длин-

ные бугры среди леса: посаженные деревья вырастали в большие стройные сосны, а валы зарастали травой и малиной. Кроме того малина росла на неожиданных лесных полянах в смешанном лесу, образованном березками и осинами.

В глубине сосновых лесов Элнэтюр-чодра встречались овраги, и вдоль их краев росла еще и дикая смородина, и черная и красная.

В этот край богатый ягодами и решили ехать и поехали Салика-ака с Анной Ивановной. Они брали с собой обоих внуков. Шофер, согласившийся их возить на колхозном грузовике, пригласил еще двух женщин, своих соседок, а в кабине с ним ехала и его молодая жена. У каждого было по ведру, а у кого и по два ведра, взяли и сумки с провизией. Стройная команда погрузилась в кузов грузовика, где поставлены были лавки. У кабины и по боковым бортам тоже.

Всё было бы хорошо, но сначала лета объявлена пожаро-опасность лесов. Леса в этот год горели. И часто человеческий фактор был тому причиной. Говорилось, что и от брошенной стеклянной бутылки могла загореться трава: солнце палило со страшной силой, а вогнутое стекло от бутылки служило линзой и поджигало сухую траву, не говоря уж о брошенных окурках. В лес ходить было запрещено.

Страшные пожары были вокруг города и во многих районах. Дым от пожаров ветром сносило на городские кварталы. Горели торфяники, ранее осушенных болот. На дорогах

и федеральной трассе от дыма утратилась видимость. А в городе от смога нечем было дышать.

Огонь лесных пожаров угрожал деревням и поселкам. Так, например, случилось великое горе: огонь из лесов во-круг посёлка Сурок перекинулся на дома. Ветром принесло из леса горящие ветки. Один за другим дома были охвачены огнем, и вскоре горел весь поселок. Люди брали свои вещи, документы, и кто в чем одет, выбегали из домов. По улице ветром раздувало головешки и жаркое пламя, горели деревья вдоль дорог и тротуаров, полыхали палисадники и яблоневые сады на огородах. У людей, бежавших по улице, вспыхивала, загоралась одежда, огромные языки пламени от горящих домов лизали улицы. Жители бросились к единственному водоёму, к круглому озеру в центре поселка, они стояли в воде, кто по колено, кто по пояс с чемоданами и сумками. Пожарные машины не справлялись, пожарная машина поселковская сама загорелась. Огонь, распространяемый сильным ветром, спалил поселок дотла. Весь поселок превратился в кучи головешек и угля. Этот поселок был в 40 километрах от города. Потом понаехали скорые и пожарные. Жителей с ожогами увозили в городские больницы! Поселок полностью выгорел.

Все организации города посылали своих рабочих на тушение пожаров, была мобилизация населения. И со стройки послали на пожары отца Изэрге. Недалеко от поселка Сурок горели торфяники, сплошным дымом покрывая окрест-

ности, что и в двух метрах не видно было ничего. Работали люди в противогазах. Бульдозеры прокладывали защитные полосы, разгребая землю, очищая землю от низкорослых деревьев, кустарников и травы, вдоль линии огня горящего леса. И один из тракторов провалился в яму с огнем, – торф внизу, под слоем почвы выгорел, и тонкий слой земли не выдержал вес трактора и рухнул, трактор провалился. Погибли два тракториста, выбраться из огненной ямы, как из пекла с горящими углями не было никакой возможности, яма была глубокая.

Деревня Юрдур находится далеко от города. По дорогам посмотреть километраж – 120 километров. До федеральной трассы – 60 километров и еще 60 километров по трассе. Так что около реки Элнэт не было в тот год пожаров. Однако, патруль егерей иногда стоял около поворотов с основной асфальтовой дороги в густые леса. А все съезды с дороги в лес были загорожены шлагбаумами, специально построенными.

Машина с толпой женщин в кузове проехала мимо поворота на деревню Элнэтир, дома которой от дороги были видны. Потом проехали и поворот на лесопитомник, в который вели красивые железные ворота. А дальше повернули на грунтовую дорогу, ведущую в лес, и остановились у шлагбаума.

Идти пешком, от дороги в таежные лесные делянки было далеко. Шофер хотел было открыть шлагбаум, свежий из бе-

лых ошкуренных брёвен, некрашенный, – но он был заколочен на большие гвозди, поперечное бревно было приделано наглухо, и убрать его было нельзя, не сломав.

Оказывается, их машину увидели из домов лесопитомника и через пару минут к ним подъехал «козлик», газ-69, с тентом зеленого камуфляжного военного цвета. Сам егерь приехал поинтересоваться. Егерь – этот пожилой мужчина оказался жителем Ерымбала, той деревни, где Анна Ивановна учила в начальной школе местных ребят, когда-то давно. И егерь её узнал сразу, он учился в школе у Анны Ивановны.

Когда он узнал, что они едут за малиной и, поддавшись на все просьбы и уговоры, егерь разрешил им ехать в лес. Предварительно сделал он внушение, что они не будут разводить костер в лесу.... Он показал шоферу, где можно объехать слагбаум: надо было проехать под откосом дороги, по краю леса и там была едва заметная среди травы колея объезда главной грунтовой дороги.

Знакомство, а по простому – «блат», открывают многие двери, преодолевают многие запреты, и так было и есть и будет, наверное, всегда. По благу можно купить, приобрести, достать – любой дефицит. И пока никто не знает: плохо это или хорошо.

Один человек говорил: «посмотрел я как-то в энциклопедии слово дружба и не нашел его: есть остров Дружбы, есть футбольная команда Дружба, а дружбы будто бы и не бы-

вает». А вообще-то «дружба» – это один из видов близких отношений людей. И дружба не всегда бескорыстна, очень трудно найти истинную дружбу.

Поэтому знакомство более часто встречается среди людей, бывает и «дружба» преследует определенные цели: деловые, основанные на общей деятельности; рациональные, ориентированные на обмен знаниями и информацией; эмоциональные, связанные с удовольствием от общения; нравственные, направленные на взаимное совершенствование. В реальности эти цели обычно тесно переплетены. Отсюда и возникает – пресловутый «блат».

Лес прекрасен сам по себе. А лес, выращенный заботливыми руками, прекрасен еще более. Проехали на машине по лесной дороге мимо посадок-делянок, где сосенки, уже высокие и стройные, красивыми рядами радовали глаз. Остановились у первого тупика перед оврагом. Тут, около столба, на котором были обозначены участки, высадились. Решили держаться вместе, и пошли в лес. Первый малинник – это открытый бугор на большой старой вырубке. Тут все пошли собирать малину. Изэрге не отходил далеко от бабушки, у него было маленькое ведро – пятилитровое. Малины было немного, это был первый сбор, Изэрге заметил еще много зеленых ягод. Люди уходили всё дальше вдоль выруб-ки. А они с бабушкой немного отставали от остальных, впе-реди всех был его друг Рома.

Случилось так, что Изэрге перелез через бугор на другую сторону и там собирал малину. И вот тут произошло событие, имевшее далекие последствия, которое изменило отношение к жизни Маленького Изэрге. После этого он стал другим человеком.

Пожары лесные прогоняли зверей с насиженных мест, из мест своего обитания туда, где пожаров не было. У них в районе появились волки, рассказывали пастухи их видевшие...

А может быть, это было его постоянное место, – но малину собирали не только люди, в малинник пришел медведь. Он, наверное, давно видел людей, но не хотел уходить. И когда люди ближе подошли к месту, где он кормился – медведь решил их прогнать. Он приподнялся на задние лапы, и передние поднял вверх, показывая какой он огромный, и зарычал угрожающе. Он готов был броситься на женщин застывших и завизжавших от страха. А Рома, друг Изэрге, оказался ближе всех к медведю, и он мог первым пострадать, если бы медведь напал. Этот рёв, крик женщин – услышал Изэрге, который был с другой стороны малинника, недалеко от всех. Медведь уже шагнул пару шагов на задних лапах, как в цирке, и приблизился к людям на близкое расстояние. Рома стоял между женщинами и медведем.

Произошло всё быстро, в течении двух минут. Изэрге схватил палку, так удачно подвернувшуюся, с руку толщины, длинный ствол упавшего деревца, березки, – и побежал

в сторону медведя, спасая в мыслях своего друга. Он кричал со всей силы: «а-а-а-а!», своим высоким голосом и поднял длинную палку над головой.

А медведь был готов уже упасть на все четыре лапы и одной передней лапой целился уже ударить замершего испуганного Рому, застывшего на месте. Медведь никак не ожидал увидеть «воина» -Изэрге, который выскочив на бугор оказался выше его и еще палка в его руках угрожала его ударить. А еще и крик Изэрге. И всё это неожиданное – испугали медведя, и он изменил свои намерения. – Он упал на четыре лапы не вперед, а набок и побежал от людей через вырубку: «улепётывал» медведь, даже не оглядываясь, с огромной прытью так, что скоро потерялся из виду, скрывшись в лесу.

После этого начались «вздохи и охи», разговоры женские. Салика-ака бросилась обнимать своего Рому, а Анна Ивановна поспешила к своему Изэрге. Другие женщины хвалили «победителя»: «молодец...». И рассказывали, как у них «сердце в пятки ушло» и так далее. Шофер же был чуть вдалеке от просеки, он не собирал малину, а ходил по лесу, разыскивая первые грибы. Он бегом прибежал к женщинам и услышал их сбивчивый рассказ об этом событии: как Изэрге прогнал медведя.

Люди решили, что уж больше медведь не придет, и успокоились и сели перекусить, попить чаю. Потом продолжили

сбор малины. Под вечер у всех ведра были почти полные, и они приехали домой довольные.

О «подвиге» Изэрге на другой же день узнали все местные жители. Приходили к дому Анай-кува, к Изэрге-внуку, многие соседи. А один из ребят постарше, тот же Женя Яковлев, узнав, что у велосипеда проткнуто колесо, взялся его починить. У него самого был большой велосипед. Он снял колесо и унес его к себе домой, а потом принес готовое.

Изэрге и Рому стали брать с собой на речку, и все местные ребята стали относиться с некоторой долей уважения к маленькому Изэрге. Он стал, (получил эпитеты): «смелым», «героем», «истребителем медведей» и прочее и прочее. Конечно, он и сам поверил про себя, что он действительно герой и смелый.

От автора

Читателям самим можно додумать: кем вырастет наш Изэрге. Может он возгордится и задерет нос, и будет, после этого, ко всем относится свысока, поставив себя на пьедестал? А может обдуманно станет хорошим и смелым парнем, готовым прийти на помощь к людям, попавшим в беду.

Почему наш рассказ называется «документальным», а потому что эта история подлинная. История человека, история событий времени, в которое жил человек. И героев расска-

за могли звать как угодно. Многие еще помнят прошедшее время и многие переживали нечто подобное. Поэтому рассказ наш, как документ, как свидетельство о недалеком пока прошлом.

Конец.

Рассказ о сельской учительнице

Зимой темнеет рано и быстро. Пока мы шли от реки с тяжёлыми рыбацкими ящиками, полными рыбой и с ледобурами в руках, уже наступили тёмные сумерки.

Хрустит под ногами морозный снег, и прямо в небо, к тусклым звёздочкам поднимаются столбы дыма из печных труб домов, стоящей в низинке деревеньки. Улица словно замерла, как среди степи поезд со светящимися окнами, замер и дым и звёзды, тишина вокруг среди белых полей, с чернеющим лесом на горизонте. Так виделось нам с пригорка, когда мы спускались по протоптанной нами же утром узкой тропинке гуськом через колхозное поле.

А потом сидели и пили чай в хорошо протопленной избе.

Гостей я принимал редко, а поэтому пригласил соседку тётю Тоню, Антонину Ивановну, помочь по хозяйству: в наше отсутствие протопить дом и приготовить ужин на всех гостей, – наваристые щи сварить в русской печи, как умеют только деревенские женщины, а может и пороги сострять и булочки, что тоже любила делать тётя Тоня, не раз ими угощавшая меня по-соседски.

Приехали ко мне два товарища из города. В доме моём нашлось три спальных места. Кровать в одной комнате у внут-

ренной стены, соседствовала с диваном напротив, у внешней стены дома. А в комнате-гостинной вместо дивана стояла узкая односпальная кровать с деревянными фанерными спинками и рядом больших подушек вместо спинки, (похоже на диван).

И так «срослось» -получилось, что в это время жила у Антонины Ивановны недавно приехавшая в наш колхоз учительница. Не нашлось сразу на центральной усадьбе колхоза дома, где бы поселить учительницу. А наши дома с тётей Тоней с краю деревни, чуть в отрыве, как раз по дороге к центральной усадьбе, – и три километра пройти пешком для молодой учительницы было даже хорошо: «Ей, – говорит тётя Тоня, – понравилось: и раненько вставать, и проветриваться перед школой, в которой ученики шалят всё одно!».

И Зинаида Николаевна с радостью согласилась помочь тёте Тоне и пришла ко мне в дом вместе с ней, готовить для городских гостей.

Вечером друзья сидели за столом перед включенным телевизором, который показывал только три центральных канала и звук которого был приглушен, – разговаривали о своих рыбацких мужских делах...

Я вызвался было помочь на кухне, и помог только почистить рыбу от кишок, молодая Зинаида Николаевна прогнала меня к гостям, и тётя Тоня уже собрала нам на стол, где

по-мужицки стояла принесённая с мороза из сений водочка (как же без..., рыбалка ж). А на столе были и пирожки, и тётя Тоня накладывала из чугунка деревенские наваристые щи...

– А я на той старице щуку упустил..., вообще у берега, глубины-то не больше метра, – кинул блёсенку в лунку на окуня, а там – удар, груз такой... и показалась щучья голова. Только в последний момент в лунку не пошла, а так развернулась, что блесна выскочила из пасти чуть мне не в лоб, я же тянул... – рассказывал один мой друг другому.

Мужики засиделись долго, делясь своими впечатлениями и тётя Тоня с Зинаидой Николаевной ушли, оставив уборку на следующий день.

Выходные быстро заканчиваются, даже жалко, – уже на следующий день друзья уехали в город к жёнам и детям ещё до обеда: «Хватит, погостили – сказали друзья – и пятницу вечер посидели и удачно на рыбалку сходили. Надо в воскресенье ещё с семьёй побыть, порадовать детей свежесвыловленной рыбкой!».

А услышав и увидев отъезжающую от моего крыльца машину, ко мне вышла Зинаида Николаевна. Она сослалась на то, что в школе начались зимние каникулы и ей некуда было спешить и пойдет помогать мне убраться в доме после гостей, посуду перемыть, обратив внимание на мой пожилой

возраст и легкую инвалидность – я ходил с палочкой и выглядел стариком: седой, худощавый, с морщинистым лицом.

Зина, Зиночка, как я «заправски» к ней обращался, несмотря на то. Что в деревне к ней все обращались по имени-отчеству, вслед за детьми-учениками – выглядела она молодо и никак не на свой возраст. Ей было ближе к сорока (38 с половиной), а казалось, с раскрасневшими от январского мороза румяными щеками – не больше двадцати восьми, и тридцать никак не дать.

После уборки в доме мы сели пить чай со вчерашними тёти Тони пирожками. Зина интересовалась книжным шкафом и полками, которые содержали более 3-х тысяч книг. Не только художественной литературы, а ещё весь угол, со стоящим там комодом, занимали стопки журналов. Говорили мы о литературе и многом другом. В частности, перешли на разговоры из своей жизни. Психологический приём – «откровенность на откровенность», и я узнал о её жизни и переживаниях, о чём и записал потом вечером в свой писательский блокнот, и хочу поделиться с читателями. Мой рассказ:

«О деревенской учительнице Зинаиде Николаевне».

Первое время сам председатель колхоза «опекал» новую учительницу. Уже в конце сентября он заехал за Зинаидой Николаевной с утра-пораньше на своём «козлике» – зелёном

«газике».

Всем ученикам нужно было выйти в поле помогать колхозу собирать урожай свеклы и капусты. Так делалось ежегодно, занятия в школе откладывались на три-четыре дня и всех учеников вывозили на автобусе в колхозные поля. Для этого из районного МТС выделяли автобус. Для учеников это было вместо уроков труда. —

Василий Иванович зашёл в дом, по-хозяйски оглядел комнату:

— Ну, как тут живёт моя интеллигенция? — прогремел он шутивым басом. От которого Антонина Ивановна вздрогнула у печи. И простым спокойным извиняющимся баритоном сказал: — Зашёл вот провести. —

Дом у Антонины Ивановны пятистенок на две комнаты, одной из них полностью «владела» учительница Зинаида Николаевна. От шагов большого и грузного моложавого председателя на тумбочке зазвенели флаконы с духами, когда он заглянул, отодвинув межкомнатную занавеску могучей рукой. Лицо — загорелое, сам он высокий и широкий в плечах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.